

Луо Ци больше не трогал Дюсю и его, но каждый раз зыркал на него злющим взглядом.

Фу Ицзэ ненавидел его не только из-за прошлой драки, но и потому, что тот то и дело обзывал его никому не нужным пацаном. Конечно, когда рядом находился Фу Кунь, он молчал, и произносил это, только когда Фу Ицзэ оставался один.

Фу Ицзэ от этого жутко злился.

Сегодня неизвестно почему, когда Фу Ицзэ вывел Дюсю на прогулку, Луо Ци ему не встретился — судя по всему, тот ещё не вернулся домой.

Но когда он вёл Дюсю обратно, то заметил, как Луо Ци сворачивает с улицы к их дому.

Фу Ицзэ стоял у перил на третьем этаже и смотрел, как тот приближается. Когда Луо Ци подошёл к крыльцу, Фу Ицзэ поднял руку и слегка толкнул вперёд стоявшую на общем балконе пластиковую лейку — неизвестно, кого она была.

Но едва он собрался изо всех сил толкнуть лейку дальше, сзади чья-то рука схватила его за запястье.

Он испуганно дёгнулся, а когда оглянулся, в его глазах уже блеснули слёзы.

— Мелкий, — Ся Фэй отпустил его руку, с улыбкой присел перед ним на корточки и понизил голос: — А ты мастак прикидываться бедняжкой.

Фу Ицзэ ничего не ответил и только ошеломлённо смотрел на него.

— В лейке вода, если бы она и вправду прилетела кому-то на голову, стряслась бы беда, — тихо произнёс Ся Фэй. — Если уж так невтерпёж, в следующий раз бери пустую, уяснил?

Фу Ицзэ по-прежнему молчал и лишь опустил голову.

— Марш домой, поганец. — Ся Фэй легко шлёпнул его по заднице.

Фу Ицзэ подхватил Дюсю, резко развернулся и со всех ног бросился бежать.

Два дня спустя, возвращаясь домой, Луо Ци получил по голове связкой чеснока, неизвестно с какого этажа свалившейся.

Хоть травмы он не получил, но ушибся крепко, от испуга уселся прямо на землю, схватившись за голову, и долго не мог подняться.

Чеснок висел у дверей на каждом этаже, но тётка Ли была железобетонно уверена, что это дело рук Фу Куня, и притащила Луо Ци к ним домой требовать ответа.

Фу Кунь хоть пакостей натворить успел немало, исподтишка никогда не нападал, а потому упрямо отказывался признавать вину.

Тётка Ли знала крутой нрав Фу Куня, но тот отпирался слишком яростно — возможно, и вправду не он. Тогда она перевела взгляд на Фу Ицзэ: — А ну признавайся, не твой ли это братец?

Фу Ицзэ сидел на корточках возле клетки с Дюсю, поднял голову на тётку Ли и очень тихо произнул: — Не он.

При таком раскладе не то что тётка Ли сомневалась, он ли это устроил, — даже Луо Ци не верил, что у Фу Ицзэ, который перед ним на земле обычно только и делал, что плакал, кричал да отбрыкивался, хватит на такое духу.

Злосчастную связку чеснока тётка Ли унесла обратно домой, на чём дело и заглохло, превратившись в одно из нераскрытых дел среди детворы из многоквартирных барачков.

Перед самым зимним каникулами в школе по традиции проводилось родительское собрание, на которое батюшка с матушкой отправились порознь.

Фу Куню снова досталось по первое число: учитель перечислил столько его грехов, что из них можно было составить отдельную программу. Учитель Ян, пытаясь хоть немного утешить матушку, битый час выискивал у Фу Куня хоть какие-то достоинства. Во-первых, ум — эту черту он хвалил всегда, это был коронный номер Фу Куня, а во-вторых, в последнее время тот перестал забрасывать домашку.

У батюшки же всё обстояло совсем иначе: учитель Юй рассыпался в похвалах Фу Ицзэ.

Умный, послушный, на уроках внимательный, почерк аккуратный, контрольные вечно на отлично, домашние задания всегда безошибочно выполнены, вежлив с учителями и одноклассниками...

— То корыто, что нам сколотили, уже готово, и краска высохла, — с большой радостью произнёс батюшка, стоя у небольшой перегородки в гостиной. — На днях притащим сюда, и вам больше не придётся ютиться вдвоём на одной кровати.

— Ура! — завопил Фу Кунь. — Мелкий, ты наверх ляжешь или вниз?

— Твой младший братец, ясное дело, спать внизу будет, на верхний ярус ещё карабкаться надо, — вставила матушка.

— Тогда я полезу наверх! — Фу Куня всегда безумно манила перспектива спать наверху, куда нужно карабкаться, словно на дерево — до чего же весело.

Фу Ицзэ молчал до самого конца. И лишь когда батюшка с матушкой разошлись, бросил: — Я тоже буду спать наверху.

Спустя несколько дней старую кроватку Фу Куня разобрали, и в маленькой комнатушке встала вполне ладная деревянная двухъярусная кровать, хотя она несколько отличалась от того, что рисовалось в воображении мальчика.

Он-то рассчитывал, что на верхнем ярусе можно будет встать в полный рост и свысока взирать на всех вокруг, но из-за того, что прямо над головой висел прикрученный батюшкой навесной шкафчик для всякого хлама, на верхнем ярусе приходилось передвигаться только на четвереньках.

Впрочем, нашлись в этом и свои плюсы: изголовье кровати как раз упиралось в небольшую форточку, через которую можно было глазеть наружу. Пусть за окном темнели лишь облезлые хозяйственные постройки позади дома, и ночью всё это выглядело до жути жутко, словно обитель духов, Фу Кунь находил зрелище чертовски захватывающим.

Он прилип к верхнему ярусу, не отрывая глаз от улицы. На дворе уже совсем стемнело, снаружи белел лишь отражающий лунный свет снег, а он, вооружившись биноклем, уставился в окно, воображая себя затаившимся мастером по поимке духов, который ждёт появления свирепых монстров, чтобы всю показать себя.

Размышления эти невольно навели его на воспоминания о недавней загадочной истории из Трёх Городов: Золотая каретёнка, стук-стук-стук, Фан Цзиньхуа, стук-стук-стук... От таких мыслей у Фу Куня моментально зашевелились волосы на теле, и он с головой погрузился в атмосферу самозабвенного страха, из которой уже не мог выбраться.

И тут, как назло, в самый разгар испуга кровать вдруг качнулась, и чья-то рука мертвой хваткой вцепилась ему в щиколотку.

— А-а-а! — завопил Фу Кунь фальцетом, задирая ноги и судорожно карабкаясь вперёд, пока несколько раз подряд не приложился лбом о стекло.

— Да что с тобой! — батюшка, смотревший телевизор, со страху влетел в комнату.

— Я... — Фу Кунь попытался вскочить, чтобы сигануть с кровати вниз, но, резко обернувшись, увидел карабкающегося по лестнице наверх Фу Ицзэ, который замер с поднятой рукой и ошеломлённым выражением лица.

Фу Куню едва не захотелось от души пнуть Фу Ицзэ под зад: — Чёрт побери, когда лезешь

наверх, почему не подашь голос?!

— Я же звал тебя, — Фу Ицзэ вытаращил глаза, всё ещё держа руку на весу.

— Звал он! Я не услышал, трудно было повторить?! — Фу Куню было жутко стыдно за то, как сильно он перепугался.

Он ведь вечно норовил состроить перед Фу Ицзэ образ грозного, великого, непобедимого и крутого старшего брата, а вышло так, что стоило Фу Ицзэ цапнуть его за щиколотку, как он тут же растерял весь свой грозный вид. Все старания пошли прахом! И дрался-то зря!

— Я сам слышал, как он тебя с полминуты звал, — батюшка подтолкнул Фу Ицзэ за задницу, помогая забраться на верхний ярус, и кивнул на Фу Куня. — Ты о чём таком задумался, что совсем выпал из реальности?

— Тайну Трёх Городов вспомнил, — буркнул Фу Кунь, подтягивая ноги, чтобы уступить Фу Ицзэ половину лежа.

Но стоило ему это произнести, как он тут же пожалел об этом: батюшка с матушкой расхохотались, а за дверью послышался неугомонный матушкин смех.

— Эх... — Фу Кунь тяжело вздохнул, подложил руку под голову и растянулся на матрасе.

Для Фу Куня это происшествие было невероятным позором. В ту ночь, когда они досмотрели Тайну Трёх Городов, он лежал в постели и снова и снова прокручивал всё в голове. Словно зачарованный, он пугал себя всё сильнее: чем страшнее казалось, тем настойчивее мысли возвращались к этому, и в конце концов он до того до смерти перепугался, что с диким воплем вылетел из комнаты, забился под одеяло к батюшке с матушкой и продрожал так до самого утра, не сомкнув глаз.

— А что за Тайна Трёх Городов? — Фу Ицзэ забрался к нему и прилёг рядом.

— Глубокой ночью одна деревенская бабёнка... — Фу Кунь перевернулся набок лицом к Фу Ицзэ и понизил голос. Раз уж он сам перепугался до полусмерти, ему непременно нужно было напугать и Фу Ицзэ, чтобы вернуть утраченное достоинство. — Она тащит корзинку, а в ней... Угадай-ка, что там?

— Яйца, — моргнул Фу Ицзэ.

— Какие тебе яйца нахрен, кроме яиц ничего в жизни не видел! — Фу Кунь остался крайне недоволен, на секунду замолк, а затем скорчил свирепую гримасу: — Там... череп!

— А, — спокойно отозвался Фу Ицзэ, не выказав ни капли эмоций.

— А ещё там был старик, — видя, что череп Фу Ицзэ не впечатлил, Фу Кунь переключился на другое. — Который каждый день напевал...

— Что напевал? — заинтересовался Фу Ицзэ.

— Золотая каретёнка, стук-стук-стук, Фан Цзиньхуа, стук-стук-стук... — вполголоса затянул Фу Кунь, от собственного пения покрываясь мурашками.

— Брат. — Фу Ицзэ неожиданно протянул руку и зажал ему рот.

Фу Кунь тут же воспрял духом: испугался всё-таки! Но не успел он порадоваться, как Фу Ицзэ выдал: — Ты отвратительно поёшь.

— А ну брысь отсюда! — взбеленился Фу Кунь.

Фу Ицзэ с растерянным видом медленно сполз по лестнице вниз и уселся на нижнем ярусе.

Фу Куню вдруг стало жутко скучно, и он, свесившись с верхнего яруса вниз головой, заглянул к нему: — Мелкий.

Фу Ицзэ поднял на него глаза, протянул руку, потрохал его вставшие дыбом волосы и улыбнулся.

Улыбка у Фу Ицзэ была очень красивая, и Фу Кунь тоже протянул руку, коснувшись его щеки: — Тебе что, совсем не страшно? В этом кино такая жуть кругом.

— То, что ты рассказывал, совсем не страшно, — всё так же улыбаясь, ответил Фу Ицзэ.

— Тогда скажи мне, чего ты боишься? — Фу Кунь принялся выведывать информацию, планируя нанести удар по болевым точкам.

— Боюсь остаться голодным, — честно признался Фу Ицзэ.

— Тц, да кто тебя об этом спрашивает, с голодухи ты точно не помрёшь, меня вон вечно без обеда оставляют, и то я не жалуюсь, — Фу Кунь щелкнул его по лбу. — Чего ещё боишься?

Фу Ицзэ опустил голову, задумался и, немного поколебавшись, вымолвил: — Боюсь, что вы меня бросите.

— Да я вообще-то спросил, боишься ли ты призраков или вроде того... — Фу Кунь вздохнул, ухватился за перила, перемахнул через них вниз и уселся рядом с Фу Ицзэ на нижнем ярусе, притянув его к себе. — Эй, малыш, да кто тебя бросит? Наша семья тебя ни за что не бросит, даже если все отвернутся, я от тебя не откажусь.

— Я ночью буду спать наверху, — прижавшись к его груди, прошептал Фу Ицзэ.

— Спи, спи, хоть на мне спи, мне не жалко, — Фу Кунь похлопал его по спине.

Фу Ицзэ счастливо улыбнулся и тут же смачно пустил газы.

Нахлынувшая на Фу Куня жалость к жалкому и трогательному братишке моментом улетучилась, и он, отмахиваясь рукой от носа и ухмыляясь, проговорил: — Мелкий, до чего же ты до ветру мастак ходить.— Живот надулся. — Фу Ицзэ ничуть не смутился такому смеху и принялся тереть пузико.

— Смотрю я на тебя, жрёшь ты знатно, больше меня, — Фу Кунь помогал ему массировать живот. — Ицзэ, а знаешь ведь: пуки, они ведь разные бывают.

— Пуки?

— Ну смотри, тот, что ты только что пустил, сухой пук, понял? — продолжая веселиться, объяснял Фу Кунь. — Такой называется громом среди ясного неба.

— А ещё какие есть?

— В тот раз, когда у тебя живот крутило, тот пук... звался голосом из воды.

— А ещё?

— А ещё... Бывает, постесняешься пукнуть, терпишь-терпишь, а он возьми да и вернись назад. Поползёт по кишечнику вверх, а через время возьмёшь да и отрыкнёшь — это называется отрыжкой из закров. — Фу Кунь заливался смехом и повалился на подушку Фу Ицзэ.

Глядя на усердное, жадное до знаний лицо Фу Ицзэ, ему снова захотелось рассмеяться. Стоило только приоткрыть рот, как из него вырвалась громкая отрыжка.

Фу Ицзэ тут же засиял глазами:

— Отрыжка из закровов!

— Пошёл вон!

С тех пор как Фу Кунь затеял драку с Большим Тупым Мишкой из-за Фу Ицзэ, он заметил, что тот стал куда прилипчивее. По вечерам, ложась спать, он не только норовил нащупать край его штанов, но и непременно закидывал ногу ему на живот.

— Дышать нечем. — Фу Кунь оттолкнул ногу, давившую ему на живот. Руки, ноги и лицо у Фу Ицзэ были пухленькими, гладить их — одно удовольствие, вот только на самом теле мяса почти не было.

Фу Ицзэ ничего не ответил, лишь чуть ниже переставил ногу.

— Ой, чуть птичку не придавил.

Фу Ицзэ снова вернул ногу ему на живот. Фу Кунь вздохнул:

— Летом так нельзя будет, сжаримся насмерть.

— Угу, — отозвался Фу Ицзэ.

— Летом вдвоём во дворе спать ляжем, тогда и не жарко.

— Комары кусают.

— Пустяки, позовём братишку Сяофэя. Рядом с ним комары — всё равно что родного батьку увидели, так и липнут к нему.

— У меня летом болячки вскакивают, до чего больно.

— У меня тоже. И потница ещё. Матушка мне её ногтями давит, со стороны глянешь — подумаешь, будто она меня лупит...

— Я умею давить. Я тебе помогу, не больно будет.

— Да у меня теперь потница и не вскакивает вовсе.

— А? — Фу Ицзэ слегка разочаровался.

— Ну ладно, давай летом попробую, пусть ещё высыпет, тогда и подавлю тебе.

— Угу.

Церемония закрытия перед зимними каникулами всегда проходила быстро. Главным было наказать ученикам вести себя послушно в дни праздников, а затем выдать бумажку с памяткой, которую полагалось отнести родителям.

После короткой линейки Фу Кунь и Сунь Вэй с маленькими табуретками в руках уселись у входа во второй класс первого года обучения, поджидая Фу Ицзэ. Сегодня строиться по отрядам не требовалось, но первоклашки — народ медлительный, даже грамоты полдня раздавали.

— Куньцзы, сразу домой пойдём? — Сунь Вэй толкнул Фу Куня локтем.

Фу Кунь глянул на него и по выражению лица сразу понял, что Сунь Вэй имеет в виду: «Давай не будем сразу домой». Он усмехнулся:

— А куда тогда?

— Сходим за Сунь Сяо, да к мосту завернём, погуляем немного, — Сунь Вэй потёр руки.

— Зуб на зуб не попадает, — Фу Кунь прижал варежку к лицу. — Ну пойдём раз надо.

Под мостом подразумевалась захудалая речушка неподалёку от школы. Через неё перекинулся маленький бетонный мостик — три шага туда, три обратно, и весь пройден. Рядом стоял старый завод, двери и окна которого были наглухо заколочены досками, но парни отыскивали щель и смогли пролезть внутрь. Внутри валялись всякие бетономешалки да погрузчики, и это они считали настоящим приключением.

Фу Ицзэ выбежал из класса с похвальной грамотой в одной руке и табуреткой в другой, сияя от восторга.

Фу Кунь взял грамоту, развернул. Обычная похвальная грамота: хвалили ученика первого класса второго года обучения Фу Ицзэ за то, что в первом семестре он вёл себя хорошо.

Самого Фу Куня грамотами баловали редко. Учебной он не хромал, но по мнению учителей, ни к нравственности, ни к усердию, ни к спорту, ни к искусству или труду особого отношения не имел. Даже в пионеры его приняли лишь во втором полугодии второго года, в самый хвост очереди — да и то потому, что в пионеры тогда записывали абсолютно всех.

Поэтому, увидев грамоту Фу Ицзэ, он искренне обрадовался, долго вертел её в руках:

— Ишь ты! Ну всё, введу тебя гулять!

— Куда? — Фу Ицзэ задрал голову.

— На поиски приключений. — Фу Кунь забрал у него табуретку, водрузил себе на макушку и зашагал к школьным воротам. — Только сначала надо забрать Сунь Сяо.

Сунь Сяо училась в третьем классе, только не в третьей школе, а в начальной школе Янгуан, что в нескольких кварталах от них. У дяди Сунь Вэя не было детей, и он души не чаял в Сунь Сяо как в собственной дочке: поднял все связи, чтобы пристроить её в Янгуан. Говорили, будто там и качество обучения на порядок выше, не то что в третьей школе, где большинство детей — шпана с улицы, и царит полный бардак.

Когда они подошли на велосипедах к воротам школы Янгуан, Сунь Сяо как раз стояла в окружении одноклассников возле тележки старика, торговавшего попкорном, и, зажав уши руками, ждала.

Фу Кунь, заметив это, полез за кошельком и спросил Фу Ицзэ:

— Будешь?

Фу Ицзэ толком не понял, о чём спрашивает Фу Кунь, но, не раздумывая, выпалил:

— Буду!

Стоило ему ответить, как у тележки раздался оглушительный бах. Громыхнуло так громко, что Фу Ицзэ подпрыгнул на месте и во всю мочь завопил:

— А-а!

Фу Кунь морально был готов, поэтому испугаться не успел, а вот звонкий и громкий крик Фу Ицзэ заставил его вздрогнуть. Не удержавшись, он расхохотался:

— Ну и смельчак.

— Братец Фу Кунь, — Сунь Сяо с кулечком попкорна в руках увидела Фу Куня, залилась краской и тихонько поздоровалась, потупив взор.

— Пошли, — Фу Кунь качнул руль велосипеда и двинулся вперёд.

Красавицей Сунь Сяо не назовёшь, зато нрава была претихого, разговаривала всегда робко и вкрадчиво. На Сунь Вэя она походила мало: кроме глаз, во всём остальном не сыскать было ни капли сходства. Вот только Фу Кунь никак не мог взять в толк, с чего это она вечно краснеет.

Он уже давным-давно привык к ней, но стоило им встретиться, как её щеки тут же заливал румянец.

Фу Ицзэ сидел на багажнике, уплетал попкорн и во все глаза пялился на Сунь Сяо. Сунь Вэй говорил, что это его сестрёнка, но ведь они совсем не похожи. Тоже приёмная, что ли?

— А тебя как зовут? — Сунь Сяо улыбнулась ему, и голос её прозвучал совсем мягко.

— Фу Ицзэ.

— А я Сунь Сяо. Ты, должно быть, младший братец братца Фу Куня?

Фу Ицзэ умолк и лишь молча кивнул. Братец Фу Кунь? Фу Ицзэ вдруг до крайности неприятно резануло то, как мягко и нежно Сунь Сяо называет Фу Куня братцем.

Фу Кунь — его братец, а не чей-то ещё.

— Братец! — он дёрнул Фу Куня за одежду.

— М? — Фу Кунь обернулся.

— Братец! — повысил голос он.

— А?

— Брате-ец... — протянул он.

Фу Кунь улыбнулся и потрепал его по макушке:

— Чего тебе? Наслаждаешься тем, как зовёшь?

— Угу, — кивнул тот и продолжил жевать попкорн.

Фу Кунь пристегнул велосипед цепью и бросил под деревом у моста.

Сунь Вэй опасался оставлять его там — народу вокруг шляется много, да и каникулы нынче, всяко полно ребятни, которая ещё не разошлась по домам. Он проволоок велик в придорожные кусты.

— Рыба тут есть? — Фу Ицзэ ухватился за перила моста и заглянул в речушку внизу.

— Какая тебе рыба, её всю током перебили, — ответил Сунь Вэй. — К тому же холодина какая, наполовину всё замёрзло, откуда тут рыбе взяться.

— Слезть туда можно? — Фу Ицзэ посмотрел на Фу Куня.

— Можно, погнали.

Фу Кунь первым зашагал вниз по пологому глинистому склону у моста.

Сунь Вэй весело запрыгал следом, сделал пару прыжков, поскользнулся, скатился кубарем до самого низа и теперь стоял у подножия откоса, глупо улыбаясь.

Фу Ицзэ и Сунь Сяо шли за Фу Кунем, наступая след в след.

Склон оказался крутоват, Сунь Сяо оступилась и шлёпнулась на землю. Фу Кунь тут же обернулся, подхватил её за руку и поднял:

— Осторожнее.

Фу Ицзэ посмотрел на их сцепленные руки и, не раздумывая ни секунды, плюхнулся на задницу прямо на тропинке.

— Эй! — Фу Кунь тут же разжал ладонь и бросился к нему, а через секунду прикрикнул на Сунь Вэя: — Ты чего стоишь, кино смотришь?!

Добравшись до берега речушки, ребята двинулись вперёд по скользким обломанным камням, то и дело подбирая мелкие голыши и швыряя их в воду.

По правде говоря, в этой паршивой речушке и впрямь делать было нечего: воды мало, грязно, берег неровный, сплошные острые булыжники — оступишься в два счёта. Просто чтобы пробраться к старому заводу и исследовать его, приходилось пройти вдоль берега и обойти здание с тыльной стороны.

Едва они отошли на пару шагов, как сзади раздался шлёпающий звук шагов, перешедший в треск, а следом — глухой шмяк поскользнувшегося человека.

Шедший впереди Сунь Вэй оглянулся, замер на мгновение и тихо выругался:

— Вот блин.

Фу Кунь обернулся следом и увидел растянувшегося на земле Ван Цзицзяна и его шестёрку Челны Цэнь Юэ.

Грохнулись они знатно, и когда Фу Кунь повернулся, те ещё не успели подняться.

— Ого, — усмехнулся Фу Кунь. — Опоры-то шатаются.

— Марш наверх. — Сунь Вэй подтолкнул стоявших столбом между ним и Фу Кунем Сунь Сяо и Фу Ицзэ.

Ван Цзицзян заявился сюда явно не ради забавы. Раньше Фу Кунь с Сунь Вэем частенько шлындали в этих местах, и на Ван Цзицзяна наткаться как-то не доводилось.

Сегодня этот сопляк явно приплелся хвостом следом — видать, всё ещё не мог простить им тот случай, когда они дали ему дёру.

Ван Цзицзян пришёл драться.

Фу Кунь погладил правое предплечье. Драться так драться. Он ведь матери сказал, что руку сломал, когда через забор перелазил, даже Сунь Вэй подтвердил. А на самом деле эту руку ему деревянной палкой переломал Ван Цзицзян, и должок этот оставался невозвращённым.

— Прикрой одного, — бросил Фу Кунь через плечо Сунь Вэю, заметив, что Фу Ицзэ и Сунь Сяо уже карабкаются на склон.

— Угу, — Сунь Вэй подошёл и встал плечом к плечу с ним.

В драках они никогда не распылялись: сколько бы у противника ни было народу, лупить полагалось кого-то одного.

Брать в оборот Ван Цзицзяна. Кто бы за ним ни тащился, бить будут именно его.

Сам Ван Цзицзян тоже не страдал лишними церемониями. В отличие от других главарей шаек, которые сначала пускали вперёд подпевал, он всегда лез на рожон впереди собственных шестёрок.

<http://bllate.org/book/21935/2278933>